

На правах рукописи

Свалова Екатерина Николаевна

**КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА
РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ПАРЕМИКИ**
(на материале устойчивых высказываний-микрожанров
обиходно-бытовой и обрядовой речи Прикамья)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь – 2016

Работа выполнена на кафедре общего языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Подюков Иван Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Селиверстова Елена Ивановна
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заведующая кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов

кандидат филологических наук, доцент

Русинова Ирина Ивановна

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Защита состоится 15 декабря 2016 г. в ___ ч. на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 на базе ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

И. Ю. Роготнев

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена проблемам описания семантики и функционирования диалектных устойчивых высказываний, анализу их культурных и лингвопрагматических качеств. Обращаясь к разнообразным по значениям, структурной оформленности и сферам применения законченным высказываниям с семантикой регулятивности, мы определяем в качестве паремий этикетные стереотипы повседневного общения и формулы, связанные с конкретными обрядовыми контекстами. Термин паремия обычно используется как обобщенное название пословиц, поговорок, присловий, примет, т.е. обозначает различные воспроизводимые микротексты, в которых на основе переосмысления условной или жизненной ситуации сформулировано некое житейское правило или нравственный императив. Данные высказывания выражают коллективный народный опыт, характеризуются специфической образностью, особой художественной формой, заключающейся в звуковой инструментровке, рифмованности, ритмической организованности, символической нагруженности компонентов. Нередко их отличает мифологическая или религиозная окрашенность. Принято считать, что паремия, свод устойчивых высказываний, выступает как лингвокультурный феномен, отражающий стереотипные представления народа и базовые концепты этнокультуры. Как факты народной речи и одновременно как произведения устного народного творчества, народные паремии предоставляют богатый материал для исследования мировоззрения, эстетических и стилистических вкусов носителя традиционной русской крестьянской культуры, для выявления ее национальной специфики, ментальных особенностей социума и этноса в целом.

Исследование паремиологического материала в современной русистике осуществляется по разным направлениям, что отражает сложность данного феномена, выступающего с одной стороны как знак-текст, связанный с тем или иным жанром общения («знак-текстема» – Н.Ф. Алефиренко), а с другой – как эстетически оформленное произведение народной словесности (как жанр традиционной народной культуры, как «фольклор речевых ситуаций» – Дранникова Н.В.). Паремические высказывания привязаны к явлениям и типовым ситуациям повседневной жизни, к обрядовым эпизодам, обозначают жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или иными объектами. В них закреплены выработанные в обществе алгоритмы социального и межличностного взаимодействия, нормы приличия, вежливости, принятые правила общения. Они отражают связанное с привычками и обычаями социально-ролевое поведение человека. В целом ряде случаев паремии, в которых символизирована социальная деятельность, наделены семантикой регулятивности и выступают как речевые действия. Выражая социально-поведенческую норму, паремия предлагает взгляд на действительность и соответственно правило поведения с позиции сложившейся в этносе традиции. Паремии связаны с уровнем традиционной культуры, с

обрядово-мифологическим ее содержанием, выступают как знаки, передающие специфическую информацию этнокультурного характера.

Паремия есть родовое наименование различных групп устойчивых высказываний, которые выступают в речевом общении как знаки определенных ситуаций (Г.Л. Пермяков). На материале паремий с семантикой регулятивности (прежде всего, этикетных и обрядовых) мы рассматриваем особенности народно-речевой культуры русского населения Прикамья и одновременно раскрываем специфику бытовой и обрядовой коммуникации в диалектной среде. Научные представления о диалекте в последнее время существенно изменились. По-прежнему воплощая в себе особую традиционную русскую культуру, народные говоры оказываются интересны не столько специфическим фонетическим составом, особой лексикой и грамматикой, сколько наличием собственных прецедентных текстов, своим набором социально-коммуникативных ролей и соответственно средств для их представления.

По мнению В.Е. Гольдина, народные говоры «отличает специфический состав речевых событий и речевых жанров, своеобразное речевое сознание, свой речевой этикет...». Представленный в работе анализ устойчивых диалектных высказываний, содержащих пожелания, утешения, замечания, угрозы и пр., дает возможность детализировать наши представления об особенностях общения в условиях жизни традиционного сообщества. В частности, по функционированию паремий может быть прослежена особая социально-ролевая организация традиционной деревенской коммуникации, которая проявляется в более детализированном членении ситуаций общения. В связи с этим исследование семантических свойств паремий и их лингвопрагматических качеств приобретает особую значимость, т.к. расширяет наши представления о способах закрепления в диалектной речи опыта социального и межличностного взаимодействия. В исследовании предлагается характеристика народных паремий, их семантических и функциональных особенностей, которая предполагает учет взаимосвязи семантики и прагматики как компонентов значения. Культурологический аспект такого подхода включает рассмотрение паремий как знаков, для образования которых использованы символические элементы кодов традиционной культуры и качества которых проявляются в определенном культурном контексте. Их содержание включает культурно обусловленные нормативы поведения и правила общения. Сама актуализация культурных ценностей в знаковых, символических формах, воспроизводство традиции в сложившихся в народной культуре нормах и предписаниях уже может считаться прагматикой. Рассмотрение свойств паремий в лингвокультурологическом аспекте совмещается с описанием устойчивых паремиологических высказываний по их соотносительности с речевыми жанрами, по их роли в разнообразных ситуативных, социальных и других контекстах. Исследование выполнено в русле направлений, развиваемых коммуникативной диалектологией и этнолингвистикой. Решаемые в нем задачи находятся одновременно в рамках семантического подхода, связанного с анализом культурной мотивированности и коннотированности паремий, и прагматического подхода. Прагматический

аспект направлен на выявление закреплённого в языковой единице отношения говорящего к цели, содержанию общения, к адресату и к ситуации, в которой оно происходит.

Актуальность исследования связана с проблемой создания общего свода русской диалектной паремии, со слабой изученностью лингвокультурологической сущности диалектных паремий разного типа, с малой изученностью набора специализированных средств бытовой и фольклорно-обрядовой коммуникации в диалектной сфере. Разграничивая собственно значение паремии и ее прагматический смысл, мы выявляем их связанность в акте коммуникации, исследуем способности паремии не только встраиваться в коммуникативный процесс, но и в значительной степени организовывать его. При этом мы исходим из прямой зависимости прагматических возможностей паремии от характера мотивирующей ее значение внутренней формы. Как отмечает Н.Н. Семененко, «Особенности внутренней формы паремии способствуют возникновению прагматически обусловленного подтекста». Также значимый аспект исследования – рассмотрение отражения в семантической структуре паремий культурно-символических и этномифологических представлений. Он связан с лингвокультурологическими подходами к системе территориального диалекта «как способа кодировки культуры его носителей» (Е.В. Брыкина).

Объектом настоящего исследования являются семантические значения и прагматические смыслы народных паремий, зафиксированных в русских говорах Прикамья и представляющих средства оформления устного речевого общения в диалектной среде (в повседневной бытовой и обрядово-ритуальной сферах). При этом семантика паремий понимается как производное ее образной структуры смысловое пространство высказывания. Прагматика паремий связывается с функциями интеллектуального, эмоционального или волевого воздействия, с жанровой отнесенностью паремий, с их ролью в бытовой или обрядовой коммуникации, где используются ограниченные функцией ритуала типы речевых действий.

Предмет исследования – способы семантической организации используемых в диалектном общении паремий и формируемые семантикой и ситуацией использования устойчивых высказываний их прагматические качества.

Цель работы заключается в выявлении в русских говорах Пермского края паремий, наделенных функциями регулятивности, в описании содержательной и прагматической их специфики, жанровых характеристик. Анализ семантических особенностей устойчивых высказываний и их внутренней формы совмещен с описанием функциональной нагруженности, места в социальных и ритуальных контекстах. Предметом рассмотрения являются и сама закреплённость паремий за теми или иными культурно-прагматическими ситуациями, и заложенные в высказываниях механизмы, позволяющие передавать явные и скрытые коммуникативные установки говорящего.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **конкретные задачи** исследования:

- выявление особенностей внутренней формы диалектных паремий, с которой связано (которой мотивировано) их семантическое наполнение, а также прагматическое и жанровое предназначение;
- характеристика функционально-прагматических разновидностей паремических высказываний как речевых микрожанров диалектной речи, организующих общение в социальных и обрядовых контекстах;
- описание заложенных в устойчивых высказываниях способов выражения явных и скрытых коммуникативных установок говорящего;
- описание по данным паремии особенностей бытового и ритуального общения в диалектной сфере, сопоставление репертуара и языковых характеристик паремиологически оформленных жанров диалектной речи в обыденной и ритуально-обрядовой сфере народной культуры (в ее варианте, представленном в обрядовой традиции русского населения Прикамья).

Научная новизна работы заключается прежде всего в описании ранее не исследованной диалектной паремии конкретного диалектного ареала, в характеристике способов формирования культурных смыслов диалектных паремий, в выделении элементов системной организации паремиологического словаря говора, в определении набора и специфики устных жанров речевого общения в бытовой и обрядовой сфере.

Диссертационное исследование носит междисциплинарный характер, что, в равной степени, предопределило выбор методов и теоретических источников. **Методологические основания** настоящего исследования – труды по русской фразеологии и паремиологии (В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, А.Г. Балакай, Г.Л. Пермяков, Н.Н. Семененко), в области этнолингвистики и лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко, С.М. Толстая, Е.Л. Березович и др.), в области коммуникативной прагматики и жанроведения (М.М. Бахтин, В.Е. Гольдин, Т.В. Шмелева), в понимании фразеологии и паремии как феномена этноязыкового сознания (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова и др.); в интерпретации паремий как одного из малых жанров фольклора (Е.И. Селивёрстова, А.Т. Хроленко). Предпринятый в диссертации подход находится в русле современных лингвокультурологических исследований русской фразеологии и опирается на устоявшиеся в науке представления о жанровых и семантико-стилистических свойствах народных афоризмов (Г.Л. Пермяков, Н.Ф. Алефиренко и др.), о их лингвокультурологическом своеобразии (Н.Н. Семененко, Л.Б. Савенкова и др.), о их особой культурно-исторической значимости в этноязыковой картине мира (М.Л. Ковшова, В.М. Мокиенко). Избранный аспект анализа диалектных паремий соответствует и современным направлениям в изучении фольклора. В лингвофольклористике активно разрабатывается исследование фольклорных текстов как речевых действий, регулирующих определенную практическую деятельность, отражающих стратегии поведения. Фразеология и паремика, как отмечено Н.Ф. Алефиренко, характеризуются особым культурно-прагматическим потенциалом – прежде всего в связи с тем, что эти языковые образования

содержат модально-оценочные характеристики номинируемых объектов. Коннотация, формируемая этимологическими отсылками, культурно-историческим контекстом, является основой прагматического значения, частью прагматики паремии. Именно прагмалингвистика как система правил использования и понимания языка в том или ином социальном контексте исследует этнокультурологические аспекты коммуникации.

Настоящее исследование ориентировано на уточнение представлений о средствах оформления речевых жанров диалектной речи, о способах формализации бытовой и обрядовой коммуникации. Поскольку паремии относятся и к речевым, и одновременно к фольклорным явлениям, предпринятый в работе подход имеет непосредственное отношение к прагматике языка фольклора. По утверждению С.Н. Авериной, «Пословицы и поговорки в функционально-прагматическом аспекте проявляют себя как косвенные речевые акты в том смысле, что они, как правило, сопутствуют прямому выражению иллюкативной установки, обосновывая и усиливая, т.е., по сути, аргументируя ее». Исследуя роль устойчивых высказываний в бытовой и ритуальной коммуникации, мы в первую очередь выявляем их семантические особенности, свойства, предопределяющие их прагматическую нацеленность, устанавливаем, что в целом ряде случаев исследуемые паремии сами по себе могут быть отнесены к микрожанрам диалектного речевого общения.

В работе используются следующие **методы**: метод «полевого сбора», включающий наблюдение над речевой деятельностью носителей языка, метод интерпретационного анализа, который включает характеристику плана содержания и плана выражения паремии в их взаимодействии, т.е. комплексный анализ целостного смысла высказывания в контексте ситуации общения; метод семантического анализа (при выявлении особенностей семантики паремий), описательный метод (при анализе семантических групп паремиологического материала), метод концептуального анализа (при анализе образности паремий), коммуникативно-прагмалингвистический метод (при исследовании связи паремий с речевыми жанрами), контекстологический метод (при изучении лексического и фразеологического окружения паремии в живой речи а также в контексте фольклорно-обрядовой традиции Прикамья). Частично использована также статистическая методика (при установлении количественного соотношения паремий различных семантических групп и коммуникативных жанров, при выявлении продуктивности способов образования паремий).

Материалом для анализа послужили данные русских говоров Пермского края, собранные автором в 2011–2015 гг. на территории Северного и Южного Прикамья, паремиологические высказывания, зафиксированные в сборниках прикамского фольклора и региональных словарях (прежде всего, в Словаре пермских паремий (Подюков И.А., Свалова Е.Н., 2014), в фольклорных сборниках В.Н. Серебренникова, К.Н. Прокошевой (620 устойчивых высказываний). Данный материал до настоящего времени практически не исследован ни в структурно-семантическом, ни в функциональном плане. Пермский материал рассматривался в контексте общерусской и диалектной

паремии, поэтому в исследование включены паремиологические сведения, представленные в Словаре русских народных говоров, в Словаре русского речевого этикета А.Г. Балакая. Исследуемые нами диалектные паремии разнообразны по своим семантическим и функциональным качествам. Большое место среди них занимают знаки речевого этикета, которые в контексте теории речевых актов рассматриваются как отдельный класс речевых актов – этикетные выражения, высказывания типа клятв, извинений, в которых обозначенное речевое действие осуществляется самим речевым актом. Преимущественное внимание к данным одной (пермской) группы говоров дает возможность более корректно охарактеризовать и системные связи устойчивых высказываний (их вариантные и синонимические связи, вхождение в семантические группы и макрожанровые объединения), их функционально-прагматические параметры, связанные во многом с относительной однородностью условий социальной жизни и быта, обрядовой традиции края.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем устанавливается близость культурно-семантических и прагматических свойств исследованных диалектных паремий. Исследование вносит вклад в разработку прагматического направления диалектологических исследований, жанроведения устной народной речи и тем самым способствует дальнейшему изучению проблем диалектной речевой и фольклорно-обрядовой коммуникации.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов, положений и выводов в курсах современного русского языка и русской диалектологии, этнолингвистики, теории общения, речевой культуры и речевого этикета, языка фольклора.

На основании проведенного исследования **на защиту выносятся следующие положения:**

1. Диалектные паремии в пермских говорах с точки зрения их образования являются устойчивыми символическими комплексами, основанными на взаимодействии семиотических кодов традиционной культуры, представляют собой факт народного эстетического сознания, языковой коррелят народной духовной традиции.

2. По своей структурно-семантической организации диалектные паремии объединены в особые тематические группы (метаязыковые объединения-макрожанры) и микрожанры, представленные устойчивыми высказываниями однородной семантики и прагматики. Внутри групп с высказываниями сходной семантики и прагматики между паремиями прослеживаются элементы системности (аналого-синонимические и вариантные отношения).

3. В исследуемой диалектной паремике отмечается слитность семантического и прагматического аспектов устойчивого высказывания. Представляя собой особые воспроизводимые единицы диалектной речи воздействующего характера, диалектные паремии прагматически ориентированы на выражение интенций говорящего, формулирование социально-поведенческой нормы, коллективных морально-этических и бытовых правил.

4. Паремические высказывания в диалектной среде выступают в качестве средств оформления ситуативных разновидностей речи, основы целого ряда малых речевых жанров, набор, функциональные характеристики и регулятивные функции которых существенно отличаются в повседневной и обрядово-фольклорной коммуникации. Наиболее частотными жанрами речевого общения в устно-бытовой сфере, маркированными устойчивыми паремическими высказываниями, являются приветствия, прощания, благодарения, пожелания, похвала, формулы утешений, сочувствия, согласия, извинения, паремии-замечания, оскорбления, угрозы.

5. Устойчивые паремические высказывания формульного типа обеспечивают такие потребности ритуально-обрядового общения, как сакрализация ключевых моментов ритуала, иносказание, привнесение в обряд защитительных и продуцирующих смыслов. Малыми жанрами в прикамской фольклорно-обрядовой традиции выступают обрядовые пожелания, оскорбительные выражения и проклятия, клятва и обереговые высказывания.

Апробация работы. Основные положения работы и результаты исследования апробированы на международных и всероссийских научных конференциях (конференция молодых исследователей «Языки традиционной культуры», г. Москва, РГГУ. 29-30 апреля 2011 г., XL Международная филологическая конференция, г. С.-Петербург, СПбГУ, 14-19 марта 2011 г., Международный симпозиум «Лексикография и фразеология в контексте славистики», Магнитогорск, Магнитогорский государственный университет, 18-20 ноября 2011 г., II Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», г. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г., III Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», Екатеринбург, 7-11 сентября 2015 г., Международный научный семинар «Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси», г. Минск, 7–9 октября 2012 г., всероссийская научная конференция «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 8 апреля 2013 г., 2013, всероссийская научная конференция «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 15 апреля 2014 г., всероссийская научная конференция «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 20 апреля 2015 г., всероссийское междисциплинарное научное совещание «Семиотика пространства», 26 сентября 2015 г.).

Результаты исследования представлены в 15 публикациях, из них в 3 статьях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ.

Основное содержание работы

Структура. Исследование имеет следующую структуру и объем. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение, Списка использованной литературы (включает 171 наименование), Списка источников материала. Основной текст изложен на 163 страницах.

Во **Введении** кратко охарактеризовано принятое в исследовании понимание паремии как языкового знака и знака коммуникации, охарактеризованы специфика и источники материала; определены цель и задачи исследования, основные методы; обозначена актуальность работы.

В **первой главе** «Паремия как единица языка и коммуникации» рассматриваются бытующие в науке представления о месте паремий в системе языка, их функционально-семантических особенностях, даются общие характеристики диалектной паремии как знака и повседневной речи, и фольклора; как культурно-языкового знака языка и одновременно единицы культуры и коммуникации; как образования с качествами и знака, и текста (свернутого текста, содержащего несколько блоков информации: денотативную, мотивационную, стилистическую информацию – М.Л. Ковшова). По мысли Л.Б. Савенковой, паремии образуют одну из семиотических подсистем, обеспечивающих процесс полноценной коммуникации носителей языка, а паремию следует понимать как семиотическое явление, «знак особого рода, сочетающий в себе качества единицы языковой системы и мини-текста, существование которого обусловлено выработкой в этническом сознании носителей языка определенных ценностных установок». Паремиологическое пространство языка считается частью национальной языковой картины мира, «отразившей национальные эталоны системы представлений ... народа о закономерностях бытия и законах человеческого общества, о нравственных и жизненных ценностях, о привычках и характере человека» (Н.Н. Семененко). Неслучайно особый интерес к паремике демонстрирует этнолингвистика, изучающая содержательный план культуры, ее семантический (символический) язык, средства выражения этнокультурных смыслов. С.М. Толстая, исследующая вербальные аспекты славянских обрядов, отмечает, в частности, сходство целого ряда формул приветствий, прощания, благодарности, извинения и др. с ритуальными действиями, а не с собственно речевыми актами, применение их как микроритуалов.

Ярко выраженная «прагматическая направленность паремий уже на языковом уровне» (Е.И. Селиверстова), особая значимость устойчивых высказываний в социальных и ритуально-мифологических контекстах связана со способностью обозначать и регулировать, воспроизводить закрепленную в традиции социальную норму, морально-этическое правило, бытовой стереотип. Исследуемые нами одноактные (равные одному речевому акту) высказывания, закрепленные за определенными ситуациями общения, выступают как клишированные формы коммуникации, как «символические регуляторы социальных связей и как своеобразные средства социального самоконтроля» (К.А. Богданов). Набор паремий, оформляющих обещание, прощание, просьбу, извинение, благодарность, приглашение, угощение, пожелание, похвалу, угрозу и пр., иллюстрирует высказанное М.М. Бахтиным положение о том, что «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что в каждой сфере деятельности имеется целый репертуар речевых жанров,

дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы».

Диалектное жанроведение остается формирующимся направлением коммуникативной диалектологии. Внимание исследователей диалектных речевых жанров обращено и к повседневным речевым практикам, и к выявлению специфики ритуальных жанров. Так, в работах О.А. Казаковой исследовано своеобразие этикетных ситуаций в диалектной среде, раскрыта специфика диалектных благопожеланий, приветствий, угощений, приглашений, прощаний, благодарностей, извинений; показана и структура таких этикетных, ритуальных ситуаций, как проводы в армию, крещение, свадьба, похороны. Предмет внимания диалектологов – использование паремий в идиолекте носителя говора (Е.В. Иванцова), локальные (вологодские) особенности трудовых благопожеланий (Л.Ю. Зорина), формульные народные обращения-комплименты (О.А. Черепанова), экзистенциальные смыслы диалектных паремий (Е.Н. Руженцева), лингвокультурологические характеристики диалектной паремии (Е.В. Брысина).

Исследуемый нами пермский паремический материал повседневности ограничен устойчивыми высказываниями таких тематических групп, как речевой этикет (приветствия, прощания, благодарения, пожелания, похвалы, утешения, уговоры, выражения согласия, отказы, сочувствия, извинения, замечания, угрозы). Обрядовая паремия представлена в основном по материалам свадебного и похоронного обрядов, по календарной и хозяйственной обрядности – паремии с семантикой благодарения, благословения, пожелания (с позитивной и негативной семантикой), обереги, клятвы, ритуальные бранные высказывания и проклятия.

В заключительной части первой главы на пермском материале раскрываются структурное разнообразие, культурно-языковые и коммуникативные свойства диалектных паремий. Отмечается как характерная черта исследуемой диалектной паремии разнообразие включенной в нее обценной, грубой, физиологической лексики, используемой нередко не только в характеристических целях, но и в символическом осложнении (типа шуточного утешения тому, у кого не получилось что-л. *Как рученьки сделают, так жопонька износит* (старание, рукоделье «сводится» в выражении к прямому предназначению изделия: прикрыванию одеждой плоти). Паремии с «неприличными» компонентами, обозначающими физиологические процессы и действия человека, могут отражать архаическое восприятие физиологического акта, в том числе на базе осмысления его в связи с семантикой плодородия (как, например, связанное с аграрно-обрядовой обценностью заговорное выражение *Растите, листы, шире маминой п...ды*, которые говорят при высадке капусты). Отмечается отражение в диалектных паремиях отдельных грамматических и лексических черт пермских говоров. Так, свадебная паремия *Вот вам постеля, чтобы родилась челядь* (говорила, когда крестная невесты готовила молодым постель, указывая на необходимость продолжения рода и на

важность иметь в семье помощников) содержит зарифмованную форму множественного числа *постеля* вместо *постель* и собирательное *челядь* ‘дети’.

При характеристике функционально-семантических свойств диалектных паремий отмечается обращенность их к самым разным формам народного быта – от разжигания дров в печи (*Вставай, царь-огонёк, царица-лучина*) до выбрасывания старой, отслужившей вещи (*Пойди на огонь, на угорья, на большую воду*), способность одной и той же паремиологической единицы применяться в разных ситуациях. Так, слова *Христос (на)встречу*, которые произносятся встречному путнику, могут быть использованы как общее благопожелание: «*Вот щас яйца в печь посажу. Ну, Христос встречу! Потом только надо не забыть переверотить*»). Выражение *Люби, барашек, ноженки*, которое обычно используется при стрижке овец, может быть использовано в качестве шутки при подстригании ребёнка. Высказывание *Двери полы, заходи, богаты-голы* может использоваться и как приглашение гостю заходить, и как замечание по поводу незакрытых дверей. Выявляется связанное с устностью бытования паремий их компонентное варьирование (напр., замена имени хранителя в пожеланиях встретившемуся *Ангел-спутник вам, Свят-дух встречу, Христос навстречу!*).

Диалектные паремии демонстрируют типичную особенность диалекта, объясняемую процессами его саморазвития, – сосуществование одинаковых по значению, но различающихся по оформлению языковых единиц (дублетных и аналого-синонимических средств). Так, чрезвычайно разнообразны диалектные формулы отказа, отражающие в совокупности стереотипные представления о правилах общения с окружающими. В паремии-ответе на просьбу *Купи! – В купило корова ступила* содержится выраженный косвенно отказ на неуместную просьбу, который подкреплён «отвлекающим» шуточным объяснением отсутствия денег (*купила*) из-за некоей коровы. По форме отказ смягчен, представлен как вынужденный, в его шутливой формулировке не содержится ни раздражения, ни пренебрежения к просящему. Шутливость связана и с обыгрыванием известной символики коровы как животного, воплощающего идею благосостояния (ср. фразеологизм *дойная корова* о том, что используют как источник разного рода благ). Выражение в диалекте соотносится также с известным представлением о демонологичности этого всеядного животного (*как корова языком слизнула* о внезапном исчезновении). Паремия в виде варианта *В купило кобыла ступила* содержит замену *коровы кобылой*, что связано скорее всего с потребностью в дополнительной звуковой инструментровке выражения – с начальным *купило* рифмуется не только последнее слово фразы, но и второе *кобыла*. Мотивировка выбранного зоонима однако более серьезна: кобыла в диалектной фразеологии нередко становится «причиной» утраты (ср. пермск. *кобыла откусила красоту* о потере девушкой девственности до свадьбы). Отказ купить *Купило затупило*, где деньги представлены вышедшим из строя инструментом, также выступает как языковая игра, которая побуждает слушателя отстраниться от нереализованного желания, а говорящему смягчить серьезность момента. Прагматичность такого рода отказов связана с желанием не испортить

отношения, сохранить на будущее возможность взаимодействия говорящих, перевести конфликтную по сути ситуацию в шутку. Отличается от шутливых отказов выражение *На тебя дождь не дожжит, ветер не дует, снег не валит*, являющееся серьезной «отповедью» просящему. Оно оформляется как детализированное объяснение причины отказа – жизни просящего в удобстве, в защищенности. «Весомость» отказа мотивируется особой ритмической и фонетической его обработанностью, за которой стоит не личное нежелание, а коллективное мнение.

В сфере диалектного общения выделяется ряд многокомпонентных речевых событий, отражающих развернутые эпизоды повседневной сельской жизни (работа, визит в гости, застолье, поход в баню). В этих сложных коммуникативных образованиях-макрожанрах реализуется целый набор разножанровых паремий (просьба, благословение, благодарность, пожелание, замечание, шутка, оберег, заговорная формула). Показателен набор формул, применяемых при стрижке овец и отражающих элементы вербальной магии (поскольку шерсть, помимо ее хозяйственной ценности, – известный символ и атрибут богатства, изобилия и плодородия). Они разнообразны по происхождению, локальной закреплённости. Выражения, основанные на пожелании остриженному животному лететь *Летай филином, прыгай зайчиком, никому не поддавайся – ни собакам, ни волкам, Через семь жердей лети, никому не поддавайся!* фиксируются в зонах контакта русских говоров с коми-пермяцким языком и, возможно, являются кальками, поскольку позитивное уподобление кого-л. ночной хищной птице в русской культуре нетипично (филин считался у славян нечистым); почитание этой птицы как помощника в борьбе со злыми духами более характерно для финноугорских народов. Существенные отличия имеют и образные воплощения пожеланий стригущему шерсть (*Шерстнато-мохнато! Шёрстка на овечку! Пуд шерсти!*), пожеланий животному перед стрижкой (*Матушка, балечка, знай хозяйку, Люби, барашек, ноженки, Слушай, овечка, что ноженки говорят – тебя стригчи велят, Ноженки стучат да бренчат, шёрстку просят*), пожеланий отпускаемому остриженному животному (*Убежи лебедем, прибежи хохликом!, Сняла зипун, надевай шубу!*).

Во **второй** главе рассматриваются особенности культурной семантики диалектных паремий, специфика их внутренней формы, выражающаяся в интеграции культурно-символических смыслов компонентов устойчивого выражения (внутренняя форма паремии рассматривается как способ организации ее значения). Внутренняя форма паремий часто создается использованием компонентов, имеющих в этнокультуре качества концепта (интегрированных единиц языка и культуры, памяти и сознания, являющихся своеобразной информационной структурой, выражающей ценностную, культурно значимую информацию – Е.С. Кубрякова). Исследуемые паремии могут строиться на развертывании одного концепта (т.наз. мономные паремии) или на интеграции двух смысловых структур (паремии биномного типа). Вслед за Н.Н. Семененко мы выявляем в них такие разновидности комбинирования носителей целостного смысла высказывания, как соединение противоположных

концептов, перечисление тематически родственных слов-символов, взаимодополнение концептов. Например, шутливая отговорка при нежелании отвечать на вопрос о месте жительства *Живу против неба на земле* строится на сопряжении образов земли и неба как «дольнего» и «горнего» миров. Общекультурный контраст «благословенного неба» и «грешной земли», которые противостоят друг другу как высокое и низкое, в данном случае уходит на задний план, т.к. актуализируется «адресный» смысл высказывания. Вместе с тем очевиден в высказывании и определенный экзистенциальный смысл, утверждение примата материального начала жизни. **Совмещение противоположных по семантике символов** отмечено и в паремии *На старом месте пень да колода, на новом – путь да дорога* (слова, которые говорились при покупке и переводе коровы на новое место), которая строится из фольклорных фразеологизмов с противоположными смыслами – фольклорного бинама *пень-колода* (частый в заговорах образ полной – как по горизонтали, так и по вертикали – преграды на пути) и устойчивого сочетания *путь-дорога*, в котором объединены синонимические обозначения пути, которые в совокупности представляют возможность беспрепятственного движения. **Перечисление тематически родственных слов-символов** оформляет обереговые слова, которые говорят, когда выходят из дома *Иисус Христос – впереди, Спаситель – сзади, и Божья мать – возле меня, и все охраняют меня*, слова, с которыми ограждают на ночь жильё *Пресвятая мать Богородица в головах, Христос во дверях, Богородица в головах, ангелятки во боках, святители в ногах, Крест передо мной; Ангелы – в окошках, Спас – в дверях*. Одночленные устойчивые высказывания могут строиться на развертывании ассоциативных смыслов одного из наиболее значимых компонентов, оформляться как его рифмованное осложнение. Таково шутливое прощание (говорится при уходе гостя) *Приходите в пятницу хлебать кашицу!*; приглашение приходить снова предстает в нем как «сомнительное» (в связи с закрепленностью за пятницей запрета на веселье).

В отдельном разделе главы образность диалектной паремии рассматривается через отраженность в высказываниях универсальных кодов традиционной культуры. Фразеологизмы как вербальные знаки культуры принято считать одним из естественно-языковых воплощений ряда культурных кодов (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова). Некоторые кодовые способы символической передачи знаний о мире в паремиях менее продуктивны – **темпоральный, цветовой, числовой, зооморфный, орнитоморфный коды**. Один из наиболее активно задействованных в создании паремий культурных кодов – **религиозный код**, который заключается в придании сакрального смысла явлениям природы и жизнедеятельности человека (элементы религиозного кода отмечены в 59 исследованных выражениях). Ключевые слова, семантический центр таких паремий – концепт Бог. Концептная суть слова *Бог* проявляется в этикетных застольных паремиях (*Бог напитал – никто не видал* слова, которые говорят в финале застолья, в них рефлектирует архаичная идея получения еды от Бога, насыщения не только как удовлетворения физического голода, а еще и общения с высшими силами). Бог как податель желаемого

предопределяет все, что произойдет: *Выпускаю коровушку на Божью волюшку* слова, которые говорят, отправляя скот на выпас, *Дай Бог полон хрушиких и мелких* пожелание рыболову, *Дай Бог вспоить-вскормить, да на зелень спустить!* пожелание хозяйке, у которой отелилась корова. В целом ряде случаев имеет место неканоническое использование имени Бога, когда Бог предстает не как высший носитель духовности, добра, а как существо своего круга. Слова *Прими, Бог, за лекарство; сгинь, нечистая сила, останься чистый спирт* говорятся перед тем, как выпить спиртное (шутливо обыгрывают идею очищения от грехов). В шутливых пожеланиях, которые адресованы отправляющемуся в путь человеку *Иди с богом со Христом, неси рыбку со хвостом!*, *Иди с Богом, о берёзу лобом, с берёзы на пень, и ходи целый день!*, *Иди со Христом, с шишкой под хвостом!* намеренно снижается образ Бога, чтобы шуткой смягчить напряжение в ситуации расставания. Связан с религиозными представлениями так называемый **демонологический код** культуры, входящие в который знаки опираются в своей семантике на архаичные поверья и приметы (его элементы отражены в 17 исследованных нами паремиях). Сюжеты с персонажами народной демонологии представляют отголоски языческой веры и архаических культов. Духи в них могут быть и помощниками, и вредителями. Слова, которые говорили, заводя во двор купленную корову, *Соседушка, батюшка, храни нашу коровушку* содержат обращение к покровителю дома. Рыбацкое пожелание *Лешачок в сачок!* (типичное «обманное» пожелание неудачи из эвфемических соображений) оформлено с помощью демонима *леший*, который на севере Прикамья нередко замещает название водяного (а иногда и банного духа). Демонологические номинации, семантика которых осложнена массой культурных коннотаций, отмечены в различных по жанровой отнесенности паремиях – побуждениях, запретах, приветствиях и пр.

Антропоморфный код, отражение в языке такого проявления древнего анимизма, как очеловечивание природной и социальной среды, мотивирует паремии, содержащие персонификации, наделение признаками человека животного, сооружения, материального объекта. В его модификации – **именной код** – отражено восприятие имени человека как части народной символосферы. Замечание *Как Алёнушка, пьёт до доньшка* о любительнице угощаться за чужой счёт, вероятно, соотносится с общей пейоративной символической семантикой Елены/ Алены как легкомысленной (ср. также пермское выражение *Алёнка с худой дырёнкой* о разгульной). Отмеченные ассоциации, вероятно, соотносятся с приходящимися на праздник *Оленальняница* (3 июня нового стиля) обрядами, направленными на усиление плодородия земли (с праздником был связан посев льна, гречихи, овса, и соответственно к этому времени приурочивались праздники с обильными угощениями).

Предметно-вещный код формируется в культуре в ходе практической деятельности человека и заключается в наделении условными смыслами создаваемых человеком артефактов. Шутливая присказка *Всё на свете и топор*, которой заканчивают рассказ и придают сказанному особую

значимость, основана на народном восприятии топора не как орудия, имеющего сугубо прикладное значение, а как предмета, с которым связана идея силы, крепости. Символические смыслы топора хорошо видны в обычаях использования его как оберега от нечистой силы, от ходящего покойника. Завершение речи словом *топор* соответственно выступает как способ сделать ее непрерываемой, защищенной от замечаний и обсуждений.

Растительный (вегетативный) код, который отражает мифопоэтические представления о растениях и отмечает тесную связь растения и человека, выступает как основание ряда паремий типа застольного шуточного побуждения угощаться грибами *Ешь грибы – встанут ножки на дыбы*. На первый взгляд выражение увязывается с ироническим восприятием грибов как малоценного продукта (от которого соответственно не прийти в особое возбуждение). Фактически же здесь можно усматривать известное в народной среде наделение грибов мистической силой (свидетельством исключительных способностей грибов может считаться выражение *расти как грибы* – расти очень быстро, появляться в изобилии).

Наблюдения за образностью и символизмом диалектных паремий показали, что паремии соотносятся с традиционной символикой народной культуры. Такие качества диалектной паремии, как вариативность, избыточность, во многом объясняются отражением в них набора различающихся по своим основаниям культурных кодов.

В заключительном разделе второй главы исследуются прагматические возможности паремий повседневной речи. Отдельные речевые жанры представлены небольшим количеством паремических высказываний. Так, ограниченное число диалектных паремий содержит формулу **согласия**; относительно слабо отражен в диалектной паремике речевой жанр **извинение**. Наиболее активно паремический материал привлекается для выражения приветствий (среди исследованных – 14 выражений), прощания (11 паремий), благодарности (13), пожелания (43), утешения (14 и замечаний (11). При этом в сфере народных **приветствий** шкала передаваемых жанром смыслов чрезвычайно широка – от выражения приветствия как начала социального взаимодействия до сакрального контакта с обереговым смыслом. Приветствия дифференцируются по месту встречи, по времени, по ситуациям (*Труд на пользу!* приветствие-пожелание работающим, *Море под корову!* приветствие-пожелание доящей корову). **Прощание** как сигнал конца общения включает в себя более разнообразные смыслы – будничное расставание (*Бывайте к нам*) и расставание надолго, связанное с повышенными опасностями для уходящего (*Свят-дух встречу*, прощание-благословение *Бежи с Богом со Христом*), конфликтное расставание («сухое» прощание *Бога видишь, дверь знаешь*, выпроваживание *Иди по холодочку*). Жанр **благодарности** своей коммуникативной целью призван показать, что услуга, помощь адресата оценены говорящим. В этикетных формулах выражена дифференциация характера благодарности по степени искренности, истинности, формальности. Так, особое благодарение содержится в высказывании *Кто банюшку топил, кто водичку носил, доброго здоровья, а тебе, банюшко, долгостояния*.

Заметным классом паремий являются в говорах высказывания с семантикой **утешения**. Утешение заключается в выражении сострадания к другому из желания успокоить, облегчить страдания. Утешающие формулы нередко суггестивны (ритмически выстроены, содержат рифму и звукопись – *Горе да беда с кем не была!*), рассчитаны на воздействие словом для изменения внутреннего состояния человека. В диалектных паремиях использованы разнообразные стратегии вербального утешения: религиозное (*На всё воля Божья, Бог терпел и нам велел*), фатализм (*Все там будем, да не в одно время утешение потерявшему близкого человека*). Шутливый характер народных утешений нередко превращает их в иронический комментарий. Продуктивный жанр **замечание** в более категоричной форме, чем другие речевые жанры, выражает традиционно сложившиеся общепринятые нормы поведения и морали. Являясь реакцией на неверную с точки зрения говорящего деятельность, поведение, на внешний вид, замечания содержат установку на изменение поведения собеседника. Поскольку для народной традиции общения характерна направленность на сотрудничество, замечания отличает преимущественно доброжелательный тон (стремление выразить свое неодобрение собеседнику так, чтобы тот не обиделся, часто скрыть его за добродушной шуткой или, наоборот, внешней грубостью). Замечание раскрывшему рот и высунувшему язык *ворона на язык сернёт* содержит жестовый запрет – демонстрация языка считается неприличным или неуважительным жестом (используется, когда кого-то дразнят; образ вороны, который ассоциируется с человеческой невнимательностью, рассеянностью, дополняет неодобрительную оценку). Значительный пласт паремий-замечаний касается характеристики речи и речевых способностей человека. С их помощью оцениваются такие аспекты речевой способности человека, как неясное выражение мыслей (*Говори точней, сколь тебе сочней!*), иронически оценивается не в меру восторженная речь (*Ура! – На серёдыше дыра*).

Разнообразно оформление в говорах таких речевых жанров, как угроза, брань, оскорбление, издёвка. Жанр речевой **угрозы** выражает стремление говорящего склонить адресата (не разделяющего точки зрения адресанта) к своей точке зрения. В диалектных паремиях угрозы чаще содержат указания на возможные негативные последствия, которые носят не конкретный, а лишь условный характер. Фраза *Ты у меня походишь по крутой горе!*, например, содержит фольклорный образ крутой горы, в различных жанрах используемый как символ страданий (ср. в частушке: *Горы круты, горы круты, где-то есть пологие. Не одна страдаю я, страдают очень многие*). Бранная формула удаления *Поди ты к семи соснам!*, с одной стороны, имеет вполне реальную подоплеку – семь сосен могут быть поняты как топоним (д. *Семи-Сосны* в Чердынском районе была печально известна в Прикамье тем, что туда в 30-х гг. XX в. ссылали раскулаченных). В то же время выражения с числительным «семь» опираются на устойчивую мифологическую семантику числа. Как и в «семеричности» календаря, цвета, в этих выражениях учтена передаваемая числом идея исчерпанности, всеохватности. В целом бытовые паремии наглядно демонстрируют такие качества диалектного общения, как

сниженность агрессивности, особая шкала вежливости в общении, категоричности в требованиях, близость дистанции между коммуникантами.

В третьей главе рассматривается тематика паремий, отмеченных в обрядовой традиции русских Пермского края, их соотнесенность с конкретной обрядовой ситуацией, описываются особенности обрядовой семиосферы, отраженной в образности паремий, анализируются их семантические свойства и прагматические характеристики.

Обряд в традиционной культуре есть порождение и отражение мифологического сознания, по своей глубинной сути он строится как общение с трансцендентными существами – со стихийными силами природы, с мифологическими персонажами. Поскольку обрядовая коммуникация протекает в условиях художественно оформленной среды, обряд имеет также ярко выраженную эстетическую функцию. Целью обрядовой коммуникации выступает и регуляция поведения, и регуляция социальной психики. В отличие от бытовой сферы, в которой «человек озабочен главным образом поддержанием своего биологического статуса, удовлетворением своих материальных запросов, личных интересов и т.п., в ритуале находят свою реализацию его духовные устремления» (А.К. Байбурин).

Обрядовые паремии, как и другие классифицирующие знаки обряда, ориентируют саму обрядовую коммуникацию в определенное, заданное традицией направление. Они формулируют функцию и тип поведения участников ритуала, отмечают границы входящих в обряд эпизодов, выражают суть выполняемых ритуальных действий. Обрядовые паремии произносятся непосредственно во время исполнения ритуала и являются частью связанных с ними действий. Например, в земледельческих обрядах применяются магические формулы с продуцирующей семантикой (*Грядка, уроди!* слова, которые говорят при высадке овощей), обереговые паремии (*Ешь, червяк, крапиву, не ешь, червяк, капусту* слова, которые говорились при высаживании вместе с рассадой веточек крапивы). Упоминаемые в паремиях адресаты – высшие силы, к которым обращаются с просьбой о помощи или о помиловании (*Скрась, печка-матушка, хлебушко моё, дай спорины и пышности!* слова, которые хозяйка произносит, когда сажает хлеб в печь; *На тебе, грозонька, солюшки!* слова, которыми останавливали грозу, бросая в ее сторону щепоть соли). Соответственно могут быть выявлены паремии с охранительным и очистительным смыслом, задействованные в апотропейных актах, а также высказывания с семантикой продуцирования в актах обрядов плодородия.

В обрядовой паремии иллокутивная цель не всегда выражена напрямую; в ней обнаруживаются свои способы выражения значения: «намек на ситуацию, а не название самой ситуации» (Е.Е. Левкиевская). Устойчивость словесных формул, функционирующих в тексте ритуала, их действенность мотивированы использованием символов общего фольклорного словаря и тем, что они специальным образом лингвистически оформлены и эстетически обработаны. Так, речь сватов в эпизоде сватовства отличает рифмованность и особый ритмический рисунок: *«Сваты зайдут и начинают: под масницу садимся, значит, мы в родню годимся. Сядут и начинают говорить: «Может,*

*самоваром будем трясти и разговоры вести». Вот тогда невеста уже ставит». Упомянутая в первом выражении масница-матица является «ритуально нагруженным локусом» – само приглашение пройти за матицу являлось неким допуском в семейное пространство. Самовар, обозначенный в высказывании, является не только символом гостеприимства, но и знаком человеческого единения. Использованный в паремии глагол *трясти* употреблён в значении ‘качать, двигать из стороны в сторону’ и мотивирован тем, что «трясли самоваром», чтобы усилить конвекцию и ускорить закипание воды (выражение *трясти самоваром* символизирует начало совместного чаепития и более доверительного общения). Приведенный текст показывает, что в обрядовой паремии крайне значима игра со словом и словотворчество, звуковая инструментовка, аллитерация, каламбур.*

Наибольшая часть исследованных нами паремий закреплена за семейной обрядовой традицией. **Свадебные паремии** Прикамья, связанные с основными фазами обряда, представляют самый значительный по объёму корпус (95 единиц из 160 рассмотренных обрядовых паремий; объёмность группы объясняется чрезвычайной вариативностью свадебной традиции в крае). Так, к этапу сватовства относятся формулы, представляющие первый контакт сватов с родителями невесты. В ответе сватов на предложение им сесть *Мы не сидечи, мы стоечи* иносказательность задается семиотической отмеченностью сидения / стояния во время ритуала. Сакральное иносказание в этом случае и во многих других связано с желанием избежать влияния «дурного глаза», является магическим средством обмана темных сил. Положительный результат сватовства констатирует паремия *По рукам да в сани, по ногам да в баню*. Эта шутливая фраза в связи с удачным окончанием свадебного сговора (иногда включается в повседневную речь как подкрепление сделки) строится на обыгрывании ассоциаций *сани* – свадебный санный поезд, *баня* – обрядовая баня для молодых на второй день свадьбы. Упоминаемая в паремии баня – самостоятельный предсвадебный ритуал для невесты. Сани же сохраняют архаическую ассоциацию; как полагают исследователи (Б.А. Успенский), положение на сани символизировало приобщение к потустороннему миру, что значимо для переходного обряда, к которым и относятся похороны и свадьба. Информация о результатах сватовства выражается в паремиях-диалогах. Иносказательный вопрос *Грабли-вилы?* строится на символическом осмыслении крестьянских орудий труда – граблей как знака обретения, вил – потери (вилы связаны с движением от себя, грабли – к себе). Ритуальное приглашение гостей на свадьбу выражает паремический текст кумулятивного типа *Хозяин, иди вот на пир туда-то. Иди – хозяйку не веди. Хозяйка, иди – детей не веди. Дети, идите собак – не ведите* (нередко высказывание сопровождалось вручением специального свадебного хлебца, а в качестве приглашающего выступал особый свадебный чин – *зватай*). Усложненная форма ритуального приглашения подчеркивает не просто значимость пира как ключевого свадебного события, но и придает ему сакрально-магический, обереговый характер.

Устойчивыми формулами маркируется заход невесты в дом жениха, благословение молодых родителями (трехчастная паремия с просьбой жениха и невесты к родителям о благословении *Благословите под злат венец вставить, закон Божий принять, чуден крест целовать* с перечислением деталей ритуала церковного венчания), эпизоды свадебного пира. Среди собственно свадебных застольных паремий отмечается большое количество побуждений молодым целоваться типа *Пиво нецеженое, Ой, хлам в питье! Ой, очистить надо питье, грязно! Рыба костлявая!* Активное маркирование этого эпизода подобными возгласами отражает наделение молодых исключительной способностью созидания и очищения. Устойчивыми формулами сопровождается укладывание молодых в брачную постель: *Жених тогда быстро девку-то сохватит и на подклет затащит, а там уже дело тёмное, девка только и успеет сказать: «Туша на мне, а душа во мне».* Выражение *Мне рожать, тебе мучаться* также подобно заговору, с помощью которого невеста подчиняет себе жениха, «переводит» на него в исключительный момент первой ночи будущую родовую боль.

Паремии могут комментировать и действия, которые осуществляются во время свадебных гуляний второго, третьего дня. При ношении воды утром второго дня свадьбы проверялись способности невесты (для этого старались нарочно помешать ей, чтоб она пролила воду). Если вода проливалась, невеста должна была сказать особые слова *Ни нашим, ни вашим*. Высказывание со значением «ни тем и ни другим, никому» в этом случае получает магический смысл, «устраняет» опасность пролитого (полные ведра символически предвещают полноту семейного счастья). Семантика ритуального отказа закреплена в формулах, которые произносятся в завершении свадебного пира *Добрые люди, ближние люди, потили-поели, а теперь пора гостям к лешему.* Бранный посыл вписывается в общую установку на «антиповедение» участников обряда на его завершающей стадии; бранные слова, замыкающие ритуал, здесь имеют и магический (обереговый) характер. Свадебные паремии, таким образом, в основной своей массе обеспечивают эффект обрядового иноговорения. В современной традиции прагматика этих паремий меняется: они используются уже не как сакральные средства, а как элемент игровой театрализации, но по-прежнему сохраняют за собой регулятивную функцию.

Похоронно-поминальные паремии прикреплены к основным ситуациям погребального обряда, при ограниченности состава (выявлено всего 15 паремий) отличаются локальной вариативностью. Спецификой функциональной нагруженности этих паремий является преимущественно их обереговый характер. Заговорная паремия *Как вода тихо стоит, так чтоб и раб Божий* (имя рек) *умирал тихо* связана с облегчением страданий уходящего из жизни (отражает архаичные славянские представления о том, что душа умершего уходит в воду, исполняется, когда рядом с умирающим ставят чашу с водой). Большая часть паремий, среди которых преобладают пожелания и обереговые формы, связана с эпизодом прощания с умершим. Выражение *Дай Бог тебе царство небесное, (пре)светлое место, душе спасение* содержит пожелание спасения души. Уход с кладбища после погребения сопровождается

обращенными к умершему словами *Ты меня бойся, а не я тебя, Я пойду по дороге, ты иди стороной.*

Группа **хозяйственных и календарных паремий** отличается отражением особенностей специальных ритуалов и связана с теми сферами народной хозяйственно-практической жизни, где многое зависит не от самого человека, а от внешних обстоятельств (при уборке урожая, заготовке сена, сборе ягод и грибов, занятиях с домашним скотом). Для данных паремий характерны обереговые и продуцирующие смыслы, которые часто задаются обращением к Богу, к природным и домашним духам. Особые слова произносятся при сборе ягод (*Аминь, батюшка, Господи, Пресвятая Богородица, помоги, пособи мне ягодки набрать*), при посадке овощей (*Господь Бог, спаси и сохрани моё растение, мою редечку*).

Во втором разделе главы рассматриваются особенности организации внутренней формы ритуальных паремий, дается анализ заданных традиционными культурными кодами символических форм. Так, растительный код в паремиях отмечен в иносказательных ритуальных формулах типа *Можно к вашему дереву постучаться?*, с которых начиналось сватовство и где номинацией «дерево» обозначается дом и семья принимающей сватов стороны (дерево ассоциируется с жизнью и жизненной силой человека, выступает как носитель идеи судьбы, основы жизни, оберега и медиатора между мирами). Наиболее яркое своеобразие обрядового символизма, выступающего основанием обрядовых паремий, заключается в использовании процессуальной символики. Крайне значимая для свадебной обрядности символика кругового действия (кружения, символического создания круга с охранительной и продуцирующей семантикой) отражена в обрядовой традиции Прикамья в массе ритуалов (обходят кругом гроб с умершим, могилу перед покиданием кладбища; «создание» круга очевидно и в *окручивании* молодой – расплетании невестинной косы и заплетании двух кос, в круговом обходе сруба дома при завершении его строительства и пр.). На упоминании этой культурно-символической акции строится пермское выражение *Брага кручёная?*, которое используется как свадебный вопрос о честности невесты.

Последний раздел главы посвящен анализу функций и жанровых характеристик апотропеических высказываний, формул с продуцирующей семантикой (благопожеланий, клятв, оберегов, ритуальной брани и проклятий). Выражение *Христос с нами, избушка!* (используется при упоминании в разговоре чего-то страшного) наделено обереговой, защитительной функцией. Продуцирующие благословения маркируют обряды семейного и хозяйственного циклов (когда хлеб ставят в печь, нужно обязательно его перекрестить; говорят: *Дай бог печке припёку, на гумне примолоту*). Устанавливается, что особая функциональная нагруженность обрядовых паремий напрямую выражается в их более развернутом составе, в использовании в качестве семантического центра высказывания глаголов с семантикой акциональности, в усложненной стилистической обработанности.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, намечаются перспективы разработки проблем диалектной паремиологии.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Свалова Е.Н., Подюков И.А. Фразеология промысловой речи Прикамья как объект лексикографического описания / Е.Н. Свалова, И.А. Подюков // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН. – М.: Магнитогорск; Новосибирск, 2011. – С.557–563. (0,25 п. л./ 0,1 п.л.)

2. Свалова Е.Н. Устойчивые словесные формулы в свадебной обрядности Прикамья / Е.Н. Свалова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып.4(20). – С. 29–37. (0,33 п. л.)

3. Свалова Е.Н., Подюков И.А. Образ войны в народном представлении (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX-начала XXI в.) / Свалова Е.Н. Подюков И.А. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 3(23). – С. 17-27. (0,4 п. л./ 0,15 п.л.)

Монографии:

4. Свалова Е.Н., Подюков И.А. К пиру едется, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края / Е.Н. Свалова. И.А. Подюков. – СПб.: изд-во «Маматов», 2014. – 190 с. (8 п. л. / 3 п. л.)

Другие публикации:

5. Свалова Е.Н. Особенности образности и коммуникативного статуса диалектных «физиологических» паремий (на материале русских говоров Прикамья) / Е.Н. Свалова // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Лаборатория фольклора РГГУ. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Svalova.htm>. – Дата обращения: 30.09.2016 г. (0,33 п. л.)

6. Свалова Е.Н. Структурно-семантические особенности прикамских паремий, включающих номинации пищи / Е.Н. Свалова // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е.Н.Полякова; Перм. ун-т. – Пермь, 2011. – Вып. 3. – 242 с. – С. 129–135. (0,25 п. л.)

7. Свалова Е.Н., Подюков И.А. Обереговые формулы в повседневной речи и обрядовой традиции русского Прикамья / Е.Н. Свалова, И.А. Подюков // Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси: Материалы международного научного семинара (7–9 октября 2012 г.). – Пермь, 2012. – С. 145-153. (0, 33 п. л./ 0,15 п.л.)

8. Свалова Е.Н. Ритуальная формула в контексте семейной обрядовой традиции Прикамья / Е.Н. Свалова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8-10 сентября 2012 г.). Ч.2 / ред.кол.: Е.Л. Березович (отв.ред.) и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2012. – 116 с. – С. 91–92. (0,12 п. л.)

9. Свалова Е.Н. К проблеме взаимодействия русского и коми-пермяцкого языков в сфере речевого этикета / Е.Н. Свалова // Социо- и психолингвистические исследования. – 2014. – Вып.2. – С.151–155. (0,17 п. л.)

10. Свалова Е.Н. Семантическое своеобразие и функции «хозяйственных» словесных формул в коми-пермяцком речевом этикете / Е.Н. Свалова //

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи (15 апреля 2014 г., Пермь). – С.272–277. (0,3 п. л.)

11. *Свалова Е.Н.* Функциональная специфика устойчивых словесных формул в промысловой речи Прикамья / Е.Н. Свалова // Социо- и психолингвистические исследования. – Пермь, 2013. – Вып. 1. – С. 60–63. (0, 2 п. л.)

12. *Свалова Е.Н.* Календарная паремика Прикамья: семантико-стилистические качества / Е.Н. Свалова // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. Конф. (Пермь, 8 апреля 2013 г.) / отв. ред. Н.В. Соловьева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013. – 282 с. – С. 186–193. (0,3 п. л.)

13. *Свалова Е.Н.* Коми-пермяцкий застольный этикет (на материале этикетных формул гостевания) / Е.Н. Свалова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. Конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / отв. ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 318 с. – С. 235–237. (0,12 п. л.)

14. *Свалова Е.Н.* Фразеологические оценки семейно-брачных отношений в русской народной речи Прикамья и коми-пермяцком языке / Е.Н. Свалова // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 21 апреля 2015 г.) / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2015. – 324 с. – С. 236–241. (0,2 п. л.)

15. *Свалова Е.Н.* Формулы удаления в обрядовой и бытовой речи Прикамья / Е.Н. Свалова // Социо- и психолингвистические исследования. – 2015. – Вып.3. – С. 145–147. (0,12 п. л.)